

Санжа Балыков

НА ЦАГАНЕ

В один темный, вьюжный вечер, когда по пушистым головкам камышей, по торчащим соломкам скирд да по трубам землянок и под скрип ворот ветер пел заунывные песни, у добродушных супругов Бухиновых собралось человек десять соседей, любителей скоротать время.

Разговор шёл о предстоящем через месяц празднике Цагане. Говорили о том, по сколько четвертей водки покупать на семью, кто зарежет овцу, кто телушку, кто свинью, но, главным образом, о том, сколько верховых молодцов выедет с их хотона на праздничные наезды, на каких лошадях, какая из них окажется резвее всех, где и с чьими табунщиками произойдет столкновение.

— Конечно, и в этом году мы поедим к Корольковцам и постараемся снять с себя прошлогодний позор,—заявил молодой табунщик Бокта.

— Для этого нужно выехать хорошей, ровной компанией, на подобранных конях, а, кроме того, нам непременно надо упротить нашего старого волка Шара, чтобы он с нами выехал,—добавил другой.

— Да, да, если Шара не поедет с нами тряхнуть стариной, то их Дада все равно нас поразгоняет; уж очень искусно он может бить, большая сила в его руках,—заговорил третий.

— Верно, верно, Шара поедет с нами для выручки, а то давно он уже перестал выезжать на Цаган; пусть он пропустит в этом году богомолье в хуруле,—заговорил сразу несколько голосов.

— Где мне... Куда мне старику... да и грех ради драки пропускать „Дюлян“. Мне уже бои не интересны; ничто не может заменить моего наслаждения на всеобщем молебствии перед этим светлым праздником в нашем храме... Вы послушали бы, как красиво, трогательно поют манджики, гелюны; как вдохновенно они служат всю ночь, а на заре, когда торжественно вносятся „Окун-Тенгир“, когда сам бакша заводит встречную молитву... молитву победы „светлого над черным“,—Добра над Злом, тогда вы позабыли бы о всем мирском, не

знали бы где вы находитесь... Да; это высокое наслаждение на удовольствие победы в бою на плетях я, старик, не променяю... Во-вторых, едва ли я теперь, в пятьдесят лет, справлюсь с Дада, с тридцатилетним молодцом, в расцвете сил и здоровья,—отвечал седоголовый, сутулый, рослый Шара, набивая трубку-самоделку махоркой.

Речь его смутила молодых; Шара был не только силач и лихой наездник, но и славился, как человек „с острым языком“.

В землянке водворилось молчание; только шипели трубки, дым которых густой пеленой носился по комнате, да шлепались звучные плевки на земляной пол.

Но тишина царила недолго; сперва один, а потом и все опять пристали к старику с той же просьбой—спасти честь хотона.

Долго еще отпирался Шара, но в конце концов, истощив запас своего красноречия, начал понемногу уступать.

А когда и его старуха, сидевшая тут же, сказала, что не следует огорчать отказом „мужей“ своего хотона, то старик и совсем сдался.

— Ну, ладно,—отвечал он,—только знайте, что у меня нет подходящего коня, а конь в таком деле много значит.

— Я с удовольствием уступлю вам моего вороного, сына „Лотоса“,—радостно заявил один из табунщиков.

— И я могу уступить своего серого, сына „Дикрана“, уж он не подведет,—заговорил другой.

— Нет... Эти кони не годятся для меня; мне ваших кровных-тонконожек, резвых и горячих не нужно; я удирать не собираюсь; мне нужен конь спокойный, крепкий и главное шелковый, послушный на повода, чтобы мысли мои угадывал он в бою. А таков только гнедой у старшего табунщика Бомбу, его арканый, но только он его никому не даст, это—его любимый ездовой.

— Ничего, даст, мы пораньше его поздравим с праздником, а подвыпивши он уступит,—радостно зашумели все.

— Ну, если так, я согласен,—сказал

Шара и, пожелав всем „прекрасных снов“, встал и вышел со своей старухой. Поднялись за ними и остальные.

Было уже поздно.

Месяц прошел быстро. Цаган, наконец, наступил. Снег, валивший три дня, в ночь перед праздником перестал. День выдался неморозный, ясный. Ослепительно белый, мягкий, еще душистый снег на целую четверть покрывал землю, и весь хотон.

Поднялись в этот день рано, чуть свет; каждая семья радостно встречала свой праздник, и начались визиты по старшим родственникам, по всем соседям.

„Менду-у-гарву та!“—во здравии ли вы зимовали,—„Цагантан элзете болтуга!“—да принесет вам благо Цаган,—раздавалось везде. Хотон загулял.

После обеда мужчины помоложе начали седлать коней, чтобы ехать в гости в соседний хотон, верст за семь.

За Шара следили молодые, которые все угаваривали его не пить много, помня свое обещание—выехать с ними.

Старик неохотно, с трудом удерживался от соблазна.

Когда наездники начали садиться на коней и, горяча их, собираться, подвели и к Шара того самого гнедого, которого он желал.

И скоро группа, всадников в двадцать, растянувшись по белому полю в бешеной скачке к соседнему хотону.

Здесь тоже гулянье было в полном разгаре. То тут, то там по хотону неслись звуки песен, гармоника, балалайки.

Мужчины и женщины в нарядных одеждах сновали между землянками.

Прискакавшим гостям все были рады. Любезно и охотно выполняли традиционные праздничные объятия, особенно между молодыми.

В угощеньях недостатка не было.

Всюду шла дружная попойка, „хорошая“, беседа. Драки и ссоры, как будто, не предвиделись...

— Ничья лошадь не может перегнать моего серого, сына „Дикрана“—начал хвалиться вдруг один из гостей.

— Не хвали коня хозяйского; помни нашу пословицу, что первый дурак хвалит себя, второй дурак свою жену и последний дурак своего коня,—заметил ему один из местных.

Этого было достаточно, чтобы первый вскочил и полоснул плетью по голове обидчика. За каждого заступились свои, и вмиг драка сменила шумное веселье. Как искра, побежала эта весть по хотону.

После недолгой кулачной схватки обе

стороны поспешно сели на коней, и замелькали всадники в ожесточенном бою.

Нападая и отступая, снова группируясь, снова нападая, состязаясь в ловкости и силе, бьющиеся отъехали от хотона в поле, где больше простору коням.

Местный боец, знаменитый Дада, медленно проезжал по полю боя, как бы высматривая себе достойного соперника.

Он чуял уже зачем приехал старый Шара, не знавший в свое время соперника на плетях. Собрав коня в комок, готовый в любую минуту одним прыжком пуститься вскачь, крепко сжав в руке плеть, зорко следил Дада за группой противника.

Он видел, как Шара небрежно взял руку со сложенной плетью на бедро, склонил голову на бок, хорошим шагом своего гнедого красавца, спокойно направлялся к нему.

Дада насторожился.

— Держись паренек!—крикнул Шара и, давнув коня, ринулся на Дада.

В тот же миг, подняв коня на дыбы, помчался навстречу ему и последний.

На миг съехались всадники; свистнув в воздухе мелькнули плети; одновременно послышалось два удара и противники разъехались, не удержав разбежавшихся коней.

„Хорошо бьет молодчик; еще такой удар и, кто знает, выдержу ли,—подумал Шара, ловко поворачивая гнедого для вторичного нападения.

„Не убавились еще силы у старика; голова кружится; в ушах звон; вторым ударом он, кажется, со мной покончит“,—думал Дада, готовясь встретить врага.

Поединок двух знаменитостей так был интересен, что остальные, прекратив бой, с напряженным вниманием следили за ними. А бойцы вторично столкнулись, вторично нанесли по удару.

После второго полученного удара руки и ноги у Шара на минуту онемели, потом ослабели и мелко, часто начали дрожать.

У Дада от второго удара Шара правая нога выскочила из стремени, и он едва не спустился с коня.

„Проклятый старик; как еще бьет; третьим ударом уж, конечно, выкинет меня из седла“,—думал он, поворачивая обратно...

— Молодец, сынок! Хорошо бьешь! Хороший ты мужчина, ты будешь моим достойным преемником первенства!—громко заговорил вдруг Шара, приближаясь к Дада и протягивая руку в знак мира.

• — О! мой старый брат! еще двадцать лет не дождетесь соперника себе; крепки ваши руки, еще могучи удары!—искренно заговорил Дада, с удовольствием трясая руку грозного старика, обрадованный сча-

стливым исходом опасной встречи.—Старший брат! прошу вас ко мне на чашку водки!

— Правильно, сынок!—ответил Шара, и оба недавних врага, мирно заговорили, затянули песню старины и направились к хотону. За ними потянулись и остальные.

— Эй жена! Прими от старого брата его коня, да проси его в хату, да поднеси ему с песней и троекратно! чашку водки!—крикнул Дада, подъезжая к своей землянке.

— Прошу и вас, братцы, пожаловать ко мне на чашку водки с песней моей жены,—пригласил он и остальных.

Жена его была известная в хотоне певица; каждому она поднесла с особой песней.

Потом она взяла из-за печки грубо сде-

ланную балалайку с двумя жильными струнами, и через минуту полились - посыпались из-под ее проворных пальцев четкие мотивы калмыцкой плясовой.

Начались танцы...

К вечеру мужчины обоих хотонов поскакали в третий хотон, где пировали всю ночь. Только на третий день разъехались табунщики по своим хотонам, так как на четвертый день нужно было приступить к своим обычным работам у табуна в степи.

— Эх! хорошо бы сейчас жить в своей станице, там свободные люди гуляют десять суток, не то что мы, нанятые,—говорили они, собираясь в табун.

В длинные зимние вечера, в холодном и дымном „джулуме“, под вой степного бурана, прошедший праздник долго будет темой для разговоров...

